

В старые добрые времена человек считал себя брошенным в поток существования стихией детородного процесса. Брошенность в мир, совершенно не случайно, — важнейший концепт экзистенциальной философии. Конечно, говорить о стихийности детородного процесса и в классический период нужно с сугубой долей осторожности. В микро— и макросоциальных структурах всегда уже предрешены некоторые априорные условия реализации желания любить и иметь детей (прежде всего в институтах брака и семьи). Канализированы траектории жизни после рождения ребенка в ритуалах вскармливания и ухода, воспитания, образования и оказания медицинской помощи. Однако человек не мог ставить вопрос о тотальном контроле собственно биологического аспекта процесса порождения себе подобных. Его позиция была про-креативной. Т.е. позицией «за» (про— в пользу) творческой (креативной) мощи природы. Он как бы отдавал себя на милость случайной игры генетических, клеточных и других эпигенетических сил, бросался в стихию детородного процесса. Поэтому введенный Фуко концепт «сексуальности», который играл роль связующего звена между биополитиками контроля индивидуальных тел и социальных групп, указывает именно на проблематизацию прокреативных практик.

В современной биомедицине ситуация радикально меняется. Контроль за рождением становится все более жестким — прежде всего за счет революционного совершенствования техник женской контрацепции, аборта и стремительного развития индустрии так называемых «новых репродуктивных технологий» (искусственное осеменение, «оплодотворение в пробирке» с последующей имплантацией эмбриона в матку «биологической», «социальной» или «суррогатной» матери).

Репродуктивные технологии, впитывая достижения генодиагностики и генотерапии, клонирования, антенатальной (осуществляемой до рождения) диагностики и те-

рапии, становятся все более эффективными в производстве детей с желанными качествами и недопущении их рождения с нежеланными. Тем самым как бы осуществляется переход от про-креации, в которой еще сохранялась зона игры стихийных сил природы, к рационально контролируемой репродукции (биомедицинскому полупромышленному производству). Бескорыстный дар существования приобретает черты продукта биотехнологии, имеющего вполне определенную (и немалую) коммерческую цену.

Одновременно, и это будет вторым важнейшим аспектом дара существования, происходит его (акта дарения) метафизическое расщепление. Первоначально этому событию способствовал моральный и биополитический конфликт, разгоревшийся вокруг проблемы аборта. В дальнейшем, намеченные дискуссиями за и против аборта различия в моральном и медицинском значении стадий внутриутробного развития эмбриона и плода, были конкретизированы технологиями экстракорпорального (в пробирке) оплодотворения и вынашивания недоношенных новорожденных. Метафизическое членение акта дарения существования повторяет до некоторой степени аристотелевскую схему. Вначале творится «растительная душа», затем «животная» и только в момент рождения — «разумная».

Период развития до имплантации в матку (он искусственно воспроизводим в пробирке) характеризуется тем, что перед нами предстает как бы живое существо с «растительной душой»⁵. Это существо еще не «индивид», поскольку на первых стадиях деления практически все составляющие его клетки могут, будучи отделены, дать начало развитию самостоятельного человеческого существа. Так в природе появляются однояйцовые близнецы. Искусственное воспроизведение этого процесса создает основу

---

⁵ От этого существа всегда можно взять «черенок» и вырастить еще одно генетически идентичное первому «растение».

одного из вариантов технологии клонирования, открывающего колоссальные возможности для «продукции» детей с желаемыми биологическими качествами. Два типа средств контрацепции как бы очерчивают границы «растительного» существования. Первый тип не допускает инициации «растительного существования» (оплодотворения). Второй тип препятствует имплантации в матку, т.е. прерывая путь творения «животной души», на котором растительное существо преобразуется в биологического индивидуума, т.е. в буквальном смысле неделимого.

Животное существование «срединно». Одной из его границ является момент «индивидуализации», — формирования «индивида». Эмбриональные клетки специализируются и не могут (в естественных условиях) дать начало развитию нового организма. Другую границу образует момент, когда плод приобретает способность выжить после появления на свет. Причем именно с этого момента его появление на свет и следует называть родами (нормальными или преждевременными). До этого момента — аборт (самопроизвольным или искусственным).

Современные аппараты био-власти контролируют и дозируют процедуру дарения существования человеческому существу. При этом особое значение имеет акт присвоения (или не присвоения) ему имени «человек». Присвоение плоду на определенной стадии «до—», «внутри—» или «вне—утробного» развития имени «человек» превращает его в «личность», обладающую «правом на жизнь». Отказ в даре — удерживает то же самое существо в онтологическом статусе «вещи» — «части» женского тела, которую можно в любой момент аборттировать и превратить, к примеру, в сырье прибыльной «фетотерапии», предмет биомедицинского исследования или попросту выбросить на специализированную свалку — так как поступают с трупами животных и другими «отходами» человеческой жизнедеятельности.

На другом полюсе жизненного цикла, в дебатах о «дефиниции смерти», речь идет о био-политических процедурах отзыва имени «человек», ранее принадлежавшего некоторому существу, что автоматически переводит его из класса «людей» в класс «вещей» — труп, подлежащий захоронению, или «ферму» органов и тканей для индустрии трансплантологии.

Причем отзыв имени имеет инвертированную метафизическую структуру акта дарения, так или иначе ориентируясь на ступенчатый (стадийный) характер умирания, обнаруженный по ходу развития реанимационных биотехнологий.

Вначале погибает кора мозга. Необратимо исчезает сознание (как бы «отлетает» разумная душа). Затем нарушается способность организма поддерживать гомеостатическую целостность. На этой стадии гибнет ствол мозга (отлетает «животная душа»). Возникает существование, которое более разумно называть «вегетативным» (растительным). Хотя деятельность организма в качестве целостного индивида уже прекратилась, но его отдельные органы и ткани продолжают существовать (на чем, собственно, и строится возможность пересадок органов и тканей). Пока существует хотя бы одна клетка с жизнеспособным геномом, сохраняется потенциальная возможность воспроизвести организм «в целом» методом клонирования. На заключительном этапе происходит гибель клеток — организм теряет последние атрибуты жизни.

Выявленная в результате прогресса биотехнологий сложность феноменов начала и конца человеческого существования вносит фундаментальную неопределенность в восприятие экзистенциальных границ человека. Именно в зоне этой неопределенности, открывающей простор для конфронтации многообразия интересов (например, научных, профессиональных, экономических, политических) и моральных позиций, локализуется один из важнейших узлов био-власти эпохи биотехнологий — гетерогенный пучок практик дарения и изъятия дара существования.

Вопрос о сущности (идентичности). Дар сущности неразрывно связан с даром существования. В имени «человек» уже наброшена некоторая существенная тождественность (идентичность) существа, о котором идет речь, самому себе. Это набрасывание идентичности одновременно оказывается «заключением в скобки» всего отклоняющегося, нетождественного. Если вопрос о существовании проводил демаркацию между своим (человеческим) существованием и «чужим» (природным), то вопрос о сущности набрасывает сетку границ в самом человеческом существовании, различая в нем как бы степени полноты (полноценности). Первая граница расчленяет человеческое существо на «субъекта» и «объекта». Вторая – нормальное (здоровое) и патологическое (больное).

Если в классическую эпоху, описанную Фуко, экспертное знание истины как крепезного узла био-власти как бы центрировала выделенные выше локусы идентичности, то в эпоху биотехнологий наблюдается пролиферация децентрированных дискурсов, в которых экспертное знание вступает в равноправный диалог с «профанным». Тем самым био-власть приобретает совершенно иную конфигурацию. Одновременно как результат развития биоэтики соучастником подобного рода эксцентричных диалогов становится моральный философ. Уличая врачей в «патернализме» и суля защиту прав и личного достоинства пациентов, он в качестве эксперта по вопросам морали в сети био-власти создает новые специфические ячейки.

Число людей. В классическую эпоху вопрос о числе людей ставился в контексте диагностированной евгеникой угрозы расового вырождения. Государственные программы, обоснованные экспертным знанием, в основном генетиков и психиатров, по увеличению плодовитости «нормальных» индивидов и ограничения размножения «субнормальных», разрабатывались практически во всех странах Западной Европы и США в период между двумя

мировыми войнами. Связь евгеники с немецким фашизмом и американским расизмом привела к ее полнейшей дискредитации. Евгенические идеи были разоблачены как антинаучные и аморальные. Только в конце 80-х годов под влиянием успехов геномных исследований евгеника, преодолевая серьезнейшее сопротивление в научных кругах и в среде общественности, вновь становится предметом обсуждений. Био-власть, встроенная в дискурсы и практики регуляции числа людей, приобретает качественно новую конфигурацию. На смену государственной био-политике приходит био-политика рынка репродуктивных и геномных услуг. Формируется концепция «либеральной евгеники», ориентирующейся на безусловное признание прав граждан самим решать репродуктивные проблемы, в том числе, если они того пожелают, улучшать качество генома своих потомков. Начинает формироваться практика «домашней» евгеники.

§2. Диагностика угрозы

В своих исследованиях Фуко ставил вопрос о био-власти из позиции ироничного «диагноста» исторической ситуации, для которой характерна особого рода конфигурация связи научной истины (прежде всего в сфере биомедицины) и власти. С его точки зрения, основная задача интеллектуала в современном обществе — распознавание «угроз», которые стоят за пролиферацией в микро- и макросоциальные структуры многочисленных научно обоснованных схем био-политической нормализации. Время, прошедшее после смерти Фуко, втягивает нас в качественно иную ситуацию. Угрозы, о которых он писал, получили общественное признание. Как следствие — на место фрондирующих ироничных интеллектуалов приходит междисциплинарный интернацио-

нальный консорциум специалистов, эффективно превращающих диагностику угроз в особый инструмент интеллектуального, политического и экономического действия. Возникает феномен «биоэтики».

Тем самым позиция интеллектуала «диагноста» оказывается не просто внутри аппаратов био-власти, испытывая ее определяющее влияние, но становится одной из ее рабочих «шестерен». Философ (вместе с большой группой профессионалов-гуманитариев) превращается в соучастника врача в особом рода био-политике нормализации – морального (и правового) контроля самой биомедицины. Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что одновременно предметом заботы биоэтики оказывается определение легитимных границ медицинского действия. Здесь и вопрос о демаркации «нормального» и «патологического», и вопрос о целях врачевания (является ли, к примеру, эвтаназия медицинской помощью).

§3. Профанный дискурс и «другая наука»

Параллельно складывается новая ситуация в эпистемологическом обосновании био-власти. Своеобразным «нервом» рассуждений Фуко была связь «био-власти» с дискурсами истины. Происходило как бы пародийное переворачивание – если классический дискурс философии связывал истину с человеческой свободой, то Фуко обнаруживает, что под предлогом вопроса об истине разворачивается пролиферация целой сети аппаратов власти и зависимости, пронизывающих человеческое существование вплоть до уровня телесной «микрофизики».

На «другой стороне», которую я обозначаю как эпоха биотехнологий, дискурсы истины, продолжающие свою активную работу, дополняются наделенными огромной

§4. Моральная бюрократия и республика

Дополнение дискурсов истины дискурсами «метафор» (в широком смысле этого слова) создают ситуацию, в которой, как говорится, деться уже некуда. Разоблачая репрессивный характер разума, действующего в аппаратах био-власти, Фуко мог сохранять иллюзию возможности сопротивления ей в пространстве метафорической двусмысленности. Теперь и оно полностью встроено в жесткие практики нового типа био-власти. Эта безысходность имеет то преимущество, что позволяет подойти к вопросу о био-власти более спокойно, игнорируя тревожную альтернативу бунта (сопротивления) и подчинения. Увидеть в био-власти своеобразную «судьбу» современного человека – вызов бытия, на который необходимо иметь решимость ответить.

Тем более, что (как уже отмечалось выше) само философское обсуждение проблем медиализованной власти оказывается не отстраненным описанием ее феноменов, но созданием ресурсов для ее усиления и расширенного проникновения во все уголки человеческой жизни. Эти ресурсы производятся современной биоэтикой и потребляются (институализируются) политическими структурами. Как следствие – рядом с бюрократией, действующей на основе научного «биомедицинского знания», появляется весьма своеобразная «моральная бюрократия», для которой источником нормативности выступает преобразованное стихией публичного обсуждения экспертное знание моральных философов и богословов.

Здесь наиважнейший момент – в современном сообществе происходит радикальная децентрация (профанация) точек приложения био-власти, которые распространяются из областей контролируемых монодисциплинарными дискурсами истины и блага в сферу публичных дискурсов и практик, где решающую роль играют сред-

властью дискурсами «метафор». Это происходит благодаря радикальному преобразованию в сфере фундаментальной биомедицины, которое будет обозначено и обсуждено под названием «другая наука». Рассмотрение идеи и организации осуществляющегося с начала 90-х годов международного проекта «Геном человека» демонстрирует возникновение ряда серьезнейших «мутаций» в характере научной деятельности. Намечу предварительно несколько принципиальных сдвигов. Во-первых, знание как продукт исследования, сохраняя связанность с идеей «открытия» (фактов, закономерностей), в науке парадоксально дополняется идеей «изобретения» некоего «продукта», который по своему статусу уравнивается с любым другим промышленным изобретением. Именно эта мутация в сознании ученых расчищает пространство для постановки вопроса о патентовании вновь описанных (открытых—изобретенных) генов. Знание приобретает форму «товара». Поэтому, и это уже во-вторых, происходит срастание университетских лабораторий с биотехнологическими компаниями. Логика «рынка» оказывается парадоксально сопряжена с логикой научной деятельности. Истина вдруг дополняется роем метафор, которые целенаправленно начинают «генерировать» научное сообщество в своей публичной активности как новый аппарат био-власти⁶. Поэтому и дискурс био-власти становится радикально отличным от того, который существовал в исследованную Мишелем Фуко классическую эпоху.

---

⁶ Уже в начале 80-х годов публичная активность ученых стала предметом внимания методологов науки. См. добротные аналитические обзоры В.Н.Поруса – «Наука – средства массовой информации – общественность» // Ежегодник «Философия и социология науки и техники» 1984–1985 гг. М.: Наука, 1986. С. 192–224, и «Оценка техники» в интерпретации западных философов и методологов» // Ежегодник «Философия и социология науки и техники» 1987. М.: Наука, 1987. С. 249–275.

ства массовой информации, формирующие многообразие контингентных социальных форм, которые обобщенно можно назвать «публикой». Био-власть в эпоху биотехнологий – это преимущественно рес-публика, в которой на равных соучаствуют эксперты и «профаны» («люди с улицы»).

Отмеченные выше аспекты «другой стороны» био-власти дают некоторое представление о внешних отличиях рассматриваемого мной феномена от того, что был исследован Фуко из ситуации, в которой господствовали дискурсы постмодерна. Эти отличия важны, но не решающи. Решающее значение имеет экзистенциальная позиция, из которой вопрос о био-власти ставится. Позиция, заданная самой эпохой биотехнологий. Специфика этой эпохи позволит ставить вопрос о био-власти в рамки интеллектуальной перспективы, которая, учитывая уроки постмодерна, возвращается к основополагающим традициям «проекта модерна» (Ю.Хабермас). Однако, как и любое осмысленное возвращение, оно заставит «покинутое» другим. Это уже «другой модерн»⁷ и другой тип рациональности. К примеру, специфика рациональности биоэтики заключается в своеобразном «эклeктическом» сочетании⁸ различных философских под-

---

⁷ Термин «другой модерн» используется в литературе для обозначения интеллектуальной оппозиции «пост-модерну», которая строится в рамках традиции классического рационализма за счет переосмысления базисных предпосылок «проекта модерна». См., к примеру, книгу Ульриха Бека «Общество риска. На пути к другому модерну». Перевод с немецкого В.Седельника и Н.Федоровой. М.: Прогресс-Традиция. 2000.

⁸ Например, Э.Пеллегрино и Д.Томасма строят свою интерпретацию медицинской деятельности на «эклeктической» (по собственному выражению) комбинации современного томизма и традиций американского эмпиризма и феноменологии Мерло Понти. См.: *Pellegrino E.D., Thomasma D.C. A Philosophical Basis of Medical Practice*. N.Y.–Oxford, 1981. P. 3.